

«Разум – эволюционное достояние только человека... И следовательно, можем ли мы из какой-то ложной скромности колебаться и не признавать, что обладание разумом дает человеку коренной перевес над всей предшествующей ему жизнью? Разумеется животное знает. Но, безусловно, оно не знает о своем знании – иначе оно бы давным-давно умножило изобретательность и развило бы систему внутренних построений, которая не ускользнула бы от наших наблюдений. Следовательно, перед животным закрыта одна область реальности, в которой мы развиваемся, но куда оно не может вступить. Нас разделяет ров или порог, непреодолимый для него. Будучи рефлектирующими, мы не только отличаемся от животного, но мы иные по сравнению с ним» [1, с.172]. Человек появился в результате возрастающей в процессе эволюции духовной (радиальной) энергии и не может быть завершением эволюции. Мир будет возрастать, совершенствуясь, при активном содействии человека.

Итак, этапными вехами эволюции универсума являются, атом как крупинка матери, живая клетка и живой организм как крупинки жизни, мыслящий человек как крупинка мысли. «Мы чувствуем, – пишет Тейяр де Шарден, – что через нас проходит волна, которая образовалась не в нас самих. Она пришла к нам издалека, одновременно со светом первых звезд. Она добралась до нас, сотворив все на своем пути. Дух поисков и завоеваний – это постоянная душа эволюции» [1, с.179].

Пьер Тейяр де Шарден создал концепцию глобальной эволюции, согласно которой человек поднялся до уровня «духовной личности». Сильной стороной учения Тейяра де Шардена является научно, социально и морально обоснованное представление проблемы человека как имеющей ключевое мировоззренческое значение.

Список использованных источников

1. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. Вселенская месса / - М., 2002. – 352 с.

УДК 821.161.3.0(043)+141.32

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРОБЛЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ И ФИЛОСОФИИ

Ю.А. Коломийцева

УО «ВГТУ», г. Витебск, Республика Беларусь

Современная литература всё чаще обращается к экзистенциальной проблематике и пытается дать ответы на «вечные» вопросы человеческого бытия. А философия экзистенциализма, в свою очередь, постоянно прибегает к использованию художественного изложения для выражения фундаментальных философских идей. Почему данная тенденция получила такое широкое распространение и остаётся ведущей в философско-литературном процессе XXI века? Нашей целью является ответить на данный вопрос, опираясь на проблематику развития экзистенциального сознания в философии и литературе прошлых столетий. Основная задача – реконструировать универсальный процесс экзистенциализации сознания и обозначить его динамику как единый философско-художественный феномен современности.

В XIX-XX веках философское и художественное сознание переживает единый процесс экзистенциализации с общими тенденциями и этапами. В постоянном диалоге философии и литературы, где философия традиционно первична и фундаментальна, экзистенциальное мировидение изменяет соотношение данных составляющих. В XX веке философия стремится объяснить себя через литературу, осознать себя в эстетических категориях и явлениях, и в литературе ищет опору. Экзистенциальное сознание рождается, развивается и реализует себя как философско-художественное по природе. Поэтому в генезисе экзистенциального сознания мы не дифференцируем философское и литературное его воплощение.

Экзистенциальная философия появляется в условиях социальных кризисов и потрясений, в условиях, когда происходит невероятное "брожение умов", в атмосфере абсурдного жизненного существования, "распыленного в воздухе нашего времени". Эту философию Н. Бердяев называет "единственным живым направлением мысли, наряду с марксизмом и христианством".

Экзистенциализм рассматривается нами и как культурный феномен. В его развитии можно выявить основные фазы формогенеза (по А. Я. Флиеру).

1. Возникновение новой потребности в результате конфликта с действительностью, её воплощение в виде творческой новации: кьеркегоровская трактовка экзистенции как призыв

обратить философское внимание на жизнь рядового человека, как протест против гегельянского абсолютного разума.

2. Соответствие инновации социальным потребностям, появление социально «заказа» на закрепление новых идей в культуре: травматическое состояние общества после мировых войн заставляет человечество сузить вечный вопрос о смысле жизни до персонального «почему именно я живу именно сейчас?»
3. Реализация нового социального «заказа» в нескольких вариантах: теории экзистенциалистов существенно отличаются друг от друга, что позволяет им выступать в виде самостоятельных оригинальных концепций.
4. Вариант Сартровского экзистенциализма становится ведущим в философско-литературном пространстве Европы, как наиболее ясно сформулированная концепция экзистенциализма.
5. Интеграция новой культурной формы экзистенциализма послужила маркировкой культурной идентичности целого поколения молодёжи 40-50х гг. XX века, оригинальные идеи стали достоянием масс, подвергшись популяризации и редукции.

Для периода истории XIX – XX века характерна нарастающая неуверенность человека и потеря им своего Я, утрата индивидуальности. В таком состоянии человек оказывается, отвернувшись от Бога. Человек, отказавшийся от Бога, пытается восстановить мировую гармонию. По мысли Кьеркегора, желание мирового порядка заключается в том, чтобы сделать из каждого человека отдельного, единственного. К примеру, Камю обращаясь к философии Л. Шестова, отрицает его злого капризного бога и вынужден потому оказаться от него. Достоевский исследует личность в пограничной ситуации, в эпицентре кризиса, но всё же на том пределе, где личность остаётся личностью. Существует ряд исторических причин, которые способствовали оформлению экзистенциального сознания в мощную парадигму мышления XX века:

1. Техническая революция. Человек, заменённый машиной становится невостребованным.
2. Кризис всех общественных идеалов, выдвинутых как буржуазным обществом, так и его оппонентами.
3. Рубежное сознание XIX-XX веков, метафизическое ощущение катастрофы, породившее эсхатологические настроения.

Необходимо также отметить, что понятие экзистенциальной литературы и философии несколько шире, чем понятие экзистенциализма, и включает в себя:

Во-первых, экзистенциально настроенных авторов, в творчестве которых опыт абсурда фрагментарен, стихийен, синхронен самовыражению (Паскаль, Кьеркегор, Достоевский)

Во-вторых, авторов, которые формулируют принципы экзистенциальной философии как особого направления мысли (Бердяев, Хайдеггер, Ясперс, Сартр).

В-третьих, авторов, которые в рамках и на основе этого направления отслеживают опыт абсурда, возводят его в принцип мировоззрения (Шестов, Камю, Сартр).

С одной стороны, в процессе становления сознания XX века философской и художественной сферы взаимодействуют, имеют общие этапы развития, с другой, - экзистенциальное мышление формируется как феномен наднациональный. Экзистенциальное сознание мощно интегрировало опыт различных направлений мышления, философские и литературные идеи. Нет сомнения в том, что возможности экзистенциализма как метода познания художественной реальности практически неисчерпаемы.

Текст экзистенциальных авторов дезинтегрируется не потому, что нарушаются законы логики, а потому, что происходит сращение философского и литературного жанра. «Хотите философствовать - пишите романы» утверждал А. Камю. Идея-суждение аккумулируется идеей-чувством, идеей-событием, идеей-образом; умозрение неотделимо от умонастроения; проникновение в суть вещей происходит не помимо вещей, но всегда сопровождается моделированием, анализом, описанием и переживанием конкретных ситуаций. «Литература конструирует фундаментальную абсурдность и несокрушимое величие человеческого удела. Это общее её место. Обе эти противоположности сходятся и проявляются в нелепом до смешного расхождении, разделяющем неумеренность нашей души от бранных утех тела» [4, с.132].

Экзистенциальная философия сфокусирована на моменте незнания, растягивает этот момент во времени, поскольку на этом промежутке мышление ещё не пришло к своему единству, не успело отвлечься от "головокружения", страхов, "темноты в глазах". Момент незнания предстает в качестве "синтетического" экзистенциального момента, в котором мыслящий есть в то же самое время

существующий: "экзистенция соединила мышление и существование" (Кьеркегор). Итак, дистанция сокращается не только между текстом и жизнью, но и между мыслью и существованием.

Изначальный экзистенциальный опыт соотносится с опытом "пограничных ситуаций", в рамках которых "взгляд" принципиально невозможен, неудержим. Сознание здесь захвачено водоворотом настроения, "безопорности", граничащих с "умопомешательством". Пограничные ситуации знаменуют собой границу, за которой не только наступает "кризис" разума, но и границу, за которой "все прошлое мира не может помочь. Происходит не только разрыв с интеллектуальной традицией, но и разрыв с любым социальным окружением. Человек "выпадает" из мира, "отбрасывается к самому себе".

Для экзистенциального сознания характерны алогичность и апричинность бытия, которые положены экзистенциальными философами в основу идеи абсурдности мира. Аналитика абсурдности бытия происходит через его философски-художественное осмысление. Шопенгауэр первым осознал философски-художественный характер века. Его работы начинают данную экзистенциальную традицию уже в XIX веке. Однако, и ницшеанское «без Бога», и знаменитая фраза Достоевского «Если Бога нет, то всё дозволено», стало первым шагом к тому, что мир остался и без человека. С этой «переоценки всех ценностей» утратили своё значение и человек, и его жизнь.

По словам В.Заманской «Исследование генезиса экзистенциального сознания в русской литературе показывает, что новое мышление не привнесено извне: это внутренняя, до поры не реализовавшаяся тенденция самой отечественной культуры. Русское экзистенциальное сознание в XX веке развивается не только не «вслед» за европейским экзистенциализмом, даже не параллельно, ... но по своим истокам, по первым образцам художественного воплощения опережает европейский экзистенциализм» [3, с.63]. Данная тенденция является характерной и для белорусской литературы и прослеживается в творчестве таких авторов, как М. Горецкий, В. Быков, В. Короткевич, С. Алексиевич. Белорусская литература XX века представляет собой своеобразный сплав традиций европейской, русской и самобытной национальной литературы.

Человек в круге его проблем – один из самых распространённых объектов художественного мышления XX века, который был спровоцирован философией и литературой экзистенциального направления. Можно утверждать, что художественное сознание является наднациональным. Оно органично интегрирует славянско-европейские контексты и контексты мировой литературы и культуры XX века. Экзистенциальный компонент человеческого сознания – один из самых устойчивых в личном самосознании человека в мире. Экзистенциальное сознание открыло человеческую трагедию его существования в мире – необходимый атрибут художественной литературы.

Экзистенциальное мировосприятие – это всегда замкнутое пространство внешнего мира, помноженное на пространство замкнутого в себе Я. Безусловным центром дважды замкнутого пространства является Я, которое становится и центром экзистенциально сконструированного мира в целом. В концепциях разных писателей этот центр может приобретать индивидуальное выражение: соответственно меняется проблема, сквозь которую писатель осуществляет свой путь познания сущностей бытия. Экзистенциальный принцип отбора в художественной литературе явлений, фактов, вещей состоит в том, чтобы не упускать мельчайших фактов, даже если кажется, что они несущественны, и главное, привести их в систему. Художественная задача экзистенциального принципа – «описать, как я это вижу», «докопаться до сути», «делать записи каждый день», ибо то, «как я вижу» меняется каждый день. Главное, как говорил Сартр, - «определить масштаб и характер этой перемены». То есть целью экзистенциального сознания является правда. Экзистенциальное сознание открывает самоценное, независимое от общественных связей, неполитизированное (часто – аполитичное) Я рядового человека, самодостаточного, располагающего неповторимым внутренним миром. Экзистенциальное сознание по своим истокам и возможностям философского и эстетического познания человека и бытия – феномен общечеловеческий, наднациональный и в значительной мере надисторический. Оно выразило различные типы сознания белорусского, русского, европейского и явилось константной основой литературы разных периодов.

Таким образом, можно утверждать, что литературный процесс XX века является уникальным феноменом, так как литература данного столетия отразила принципиально новую фазу общественно-исторического развития, с которой связаны переоценка всех ценностей и ниспровержение Бога, что оставляет в итоге человека один на один с хаосом бытия и собственной души. Новый век дал литературную эпоху принципиально иной природы, в отличие от других историко-литературных аналогов. Единое пространство славянско-европейской экзистенциальной традиции пронизано

внутренними диалогами, чаще стихийными, нецеленаправленными. И этот стихийный характер историко-культурных параллелей более всего доказывает, что история экзистенциального мышления XX века в России, Белоруссии и Западной Европе является единым процессом, с общими тенденциями и этапами, с одинаковой взаимосвязью литературы и философии. Характер встреч национальных культур как нельзя лучше раскрывается в индивидуальных диалогах писателей, отражающих типологическую общность и различия белорусской, русской и европейской экзистенциальной мысли. Славянское экзистенциальное сознание и европейский экзистенциализм обнаруживают в диалогах писателей глубинные связи и точки соприкосновения.

Список использованных источников

1. Бердяев Н. А. Я и мир объектов, Философия свободного духа. М., 1994.
2. Гончаров В. И. Экзистенциальные мотивы в коассической литературе. Мн. 1999.
3. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. М. Наука, 2002.
4. Камю А. Миф о сизифе; Бунтарь./ Альбер Камю - Мн., 1998.
5. Сартр. Ж. П. Что такое литература? Слова. Мн., 1999.

УДК 130.2

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ И
ВУЗОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ**

В.Н. Варич

УО «БрГТУ», г. Брест, Республика Беларусь

Современный образовательный процесс обладает рядом особенностей, обусловленных как социокультурными изменениями, совершающимися в современном мире, так и культурными сдвигами, произошедшими в постсоветских странах в последние два десятилетия. Кумулятивный эффект массовой культуры, нашедший отражение, в частности, в засилье эпигонских и подражательных форм художественной деятельности, а также в потоке несистематизированной и разноуровневой информации, рассчитанной на усредненную аудиторию, вызвал к жизни новую форму коллективности, которую Ж. Бодрийяр выразительно назвал массой, охарактеризовав ее как состояние общества, в котором утрачивается сама социальность в ее существенных признаках [см. 1]. Процессы социализации в такой среде весьма затруднены отсутствием четких мировоззренческих установок и ориентиров и признанием равнозначности и равноценности многообразных светских и религиозных идеологий, научных и ненаучных сообщений и сведений. Благодаря бурному распространению информационных технологий и развитию глобальных информационных структур массовая культура во всем спектре ее негативных и позитивных проявлений успешно внедрилась и в те страны, которые до начала реформ в Советском Союзе в середине 80-х годов прошлого века находились за «железным занавесом» и были искусственно ограждены от ее влияния. Это влияние не может не сказываться и в ценностном ориентировании современной белорусской студенческой молодежи.

Не менее важным фактором, влияющим на личностное становление молодых людей, являются и упомянутые сдвиги в образе жизни и сознании людей, которые были вызваны радикальными экономическими и политическими изменениями в бывших советских республиках. Представляется очевидным, что переориентация массового сознания с идеалов светлого будущего на заботу о текущем дне и хлебе насущном, с интернациональных взглядов и солидарности со всеми трудящимися мира на национальные и государственные интересы, с коллективистских установок на индивидуализм, не могли не найти выражение и в особенностях социализации того поколения, которое выросло в уже изменившейся культурной среде. Существенным является также и то обстоятельство, что советская идеология при всех ее недостатках и догматизме расставляла четкие идейные и поведенческие ориентиры и была (по крайней мере декларативно) единой для всего советского народа. Иначе говоря, каждый молодой человек имел вполне определенные представления о том, какие знания являются научными, какие художественные достижения являются высококультурными, какие поступки являются достойными, каким теоретическим багажом должен обладать выпускник школы и уж тем более дипломированный вузовский специалист, какая речь является литературной и свидетельствует о принадлежности к интеллигенции и, наконец, какие моральные качества способствуют жизненному успеху и вызывают одобрение окружающих.